

ТРОПІНКА

ЖУРНАЛЪ
ДЛЯ ДѢТЕЙ.

№ 5.
1 МАРТА.
1909 г.

ГОДЪ ИЗДАНІЯ IV.

Изданія журнала „ТРОПИНКА“.

С.-Петербургъ, Площадь Маринскаго театра, 6.

- А. Куприна.** „Слонъ“ разсказъ для дѣтей съ иллюстраціями. Цѣна **25** к.
- Н. Манасеина.** Разсказы для дѣтей. Съ иллюстраціями художниковъ: *Т. Гиттѣусъ, В. Замирайло, А. Линдемманъ, А. Мурашко, М. Сабашникова, П. Соловьевой, (Allegro) и Е. Чумаговой.* Цѣна въ переплетѣ **1** р. **50** коп.
- П. Соловьевой (Allegro).** „Елка“. Стихи для дѣтей, съ рисунками автора, *Т. Гиттѣусъ* и др. Цѣна въ переплетѣ **1** р., въ обложкѣ **50** к.
- Анатолий Франсъ.** „Пчелка“. Сказка. Переводъ *Н. Манасеиной.* Съ иллюстраціями. Цѣна **25** коп.
- М. С. Безобразовой.** „Исторія одного воробья“. Съ рисунками. Цѣна **25** к.
- В. П. Поливанова.** „Воронъ“ — „Индѣйцы“. Съ иллюстраціями. Цѣна **25** к.

Новыя изданія журнала „ТРОПИНКА“.

- В. Малахѣева-Мировичъ.** „Золотой домъ“. Разсказы для дѣтей съ иллюстраціями. Цѣна въ переплетѣ **1** р. **50** к., въ обложкѣ **1** р.
- О. Бгльевская.** „Капюль“. Стихи. Цѣна въ переплетѣ **75** к., въ обложкѣ **40** к.
- „Семилѣтка“.** Народныя сказки въ пересказѣ *П. Соловьевой (Allegro).* Съ рисунками. Цѣна въ переплетѣ **80** к., въ обложкѣ **50** к.
- Джекъ Лондонъ** „Буѣъ“. (Исторія одной собаки). Переводъ *Н. Манасеиной.* Съ рисунками. Цѣна въ переплетѣ **75** к., въ обложкѣ **40** к.
- Allegro.** Открытки въ краскахъ. „Дѣти зимой“. Серія въ 12 открытокъ высылается черезъ редакцію за **40** к., подписчикамъ «Тропинки» за **25** к.
- Н. Манасеиной.** „На Рождествѣ“. Три разсказа для дѣтей съ рисунками: *Т. Гиттѣусъ, Г. Нарбута и П. Соловьевой.* Цѣна въ переплетѣ **80** к., въ обложкѣ **50** к.
- П. Соловьевой (Allegro).** „Свадьба Солнца и Весны“. Пьеса въ стихахъ, съ рисунками. Цѣна **20** к.
- П. Соловьевой.** „Первое Апрелья“. Комедія въ одномъ дѣйствіи. Цѣна **15** к.

Выписывающіе книги и открытки черезъ редакцію, за пересылку не платятъ.

1909 годъ.

Мартъ № 5.

ЖУРНАЛЪ
ТРОПИИКА.

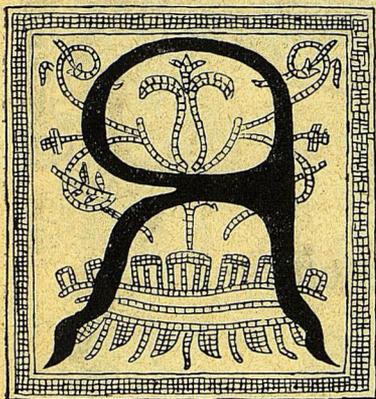

Содержаніе.

1. **Заговоръ**—стихотвореніе *О. Бяляевской*.
2. **Мамино дѣтство**—повѣсть *Н. Манасеиной*. Съ рисунками *А. Линдеманъ*. (Окончаніе).
3. **Дѣтскіе годы Петра Великаго** (По *И. Забѣлину*). *М. Васильева*. Съ рисунками. (Продолженіе).
4. **Вечеръ**—стихотвореніе *Н. Ашуркина*.
5. **Приключеніе Алисы въ странѣ чудесъ**—*Льюиса Кэрроль*. Переводъ съ англійскаго *Allegro*. (Продолженіе). Съ рисунками.
6. **Море**—*Мишлэ*. Сокращенный переводъ *П. С.* Съ рисунками.
7. **Вѣсти отовсюду**.
8. Народныя загадки.
9. Рѣшеніе задачъ, помѣщенныхъ въ 4-мъ №.

Заговоръ.

Со вьюномъ я хожу,
Съ золотымъ я хожу
(Народная пѣсня).

по темному кругу хожу,
Я куделю вяжу,
Завиваю жгутомъ,
Золотистымъ вьюномъ.
Я по темному кругу хожу,
Я заклѣтья твержу,
Заклинаю я тьму
Въ ледяномъ терему.

Что-бы тынь ей желѣзный кругомъ,
Ворота подь замкомъ,
На воротахъ засовъ
Въ пятьдесятъ что-бъ пудовъ.

Я по темному кругу хожу,
Янтари я нижу,
На ширинкѣ бѣленаго льну
Окликаю Весну:

Заплетися, плетень золотой!
Засвѣтися, перо огневое!
Распахнися, окно слюдяное!

О. Бѣляевская.

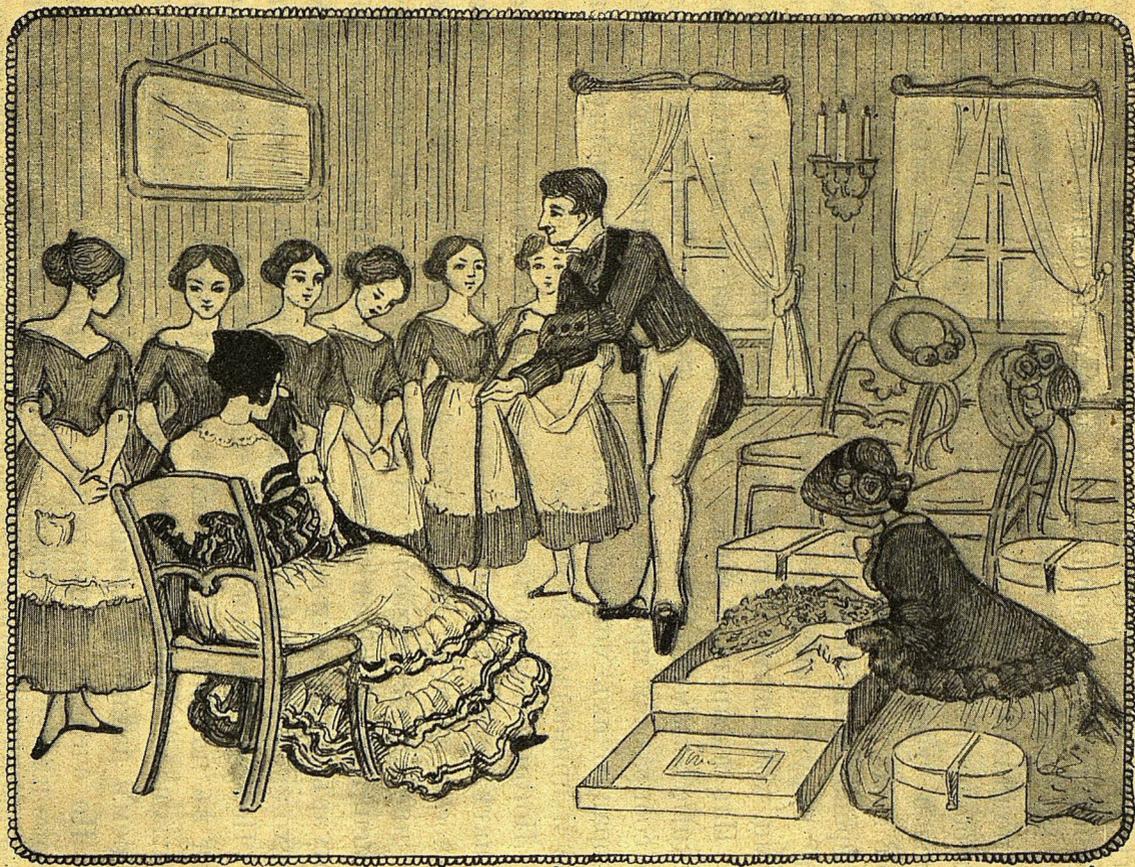
IV.

Выпускъ.

Въ выпускномъ классѣ на меня обрушилось горе.

Умерла моя бабушка.

Въ Кіевъ прїѣзжалъ одинъ изъ нашихъ родственниковъ, и родители попросили его навѣстить меня и сообщить о смерти бабушки. Просили сказать не сразу, а подготовивъ. Но, какъ ни старался мой старый дядюшка, то, что онъ сказалъ, вышло всетаки неожиданно и ужасно тяжело. Ужъ и не помню, какъ я распрощалась съ нимъ, какъ дошла до дортуара. Помню, что очнулась уже въ лазаретѣ и первое, что увидѣла, была огромная коробка съ конфетами, которую

А. Редькин. п.м.

Дувидко съ поклонами переходилъ отъ одной къ другой и съ каждой снималъ мѣрку.

дядюшка привезъ мнѣ въ подарокъ. Видъ этой коробки привелъ меня въ такое отчаяніе, что ее поспѣшили убрать. Потомъ уже выпускныя говорили, что конфеты были превкусныя.

Въ лазаретѣ я пробыла нѣсколько дней. Лежала, почти не поднимая головы, и все перебирала въ памяти разныя подробности дядюшкинаго разсказа. Бабушка умерла съ моею красной туфелькой въ рукахъ. Умирая, она завѣщала мнѣ свой хуторъ. Но любимый хуторъ, весь садъ съ его цвѣтами и деревьями и низкія, пронизанныя солнцемъ, комнаты стали мнѣ вдругъ совсѣмъ чужими, представлялись такими пустыми, холодными, что одна мысль попасть туда пугала меня.

Изъ лазарета я вышла похудѣвшая и притихшая. Выпускные экзамены были совсѣмъ близко. Родители писали, что собираются пріѣхать къ акту и выражали надежду, что я порадую ихъ моими успѣхами. Я спрятала поглубже свое горе и принялась за учење.

Потомъ намъ объявили, что всѣ, кто хочетъ участвовать въ актѣ, должны внести на выпускное платье и всѣ принадлежности къ нему по 25 рублей. Родители прислали деньги. Въ институтъ явился худой, рыжій, весь въ веснушкахъ, знаменитый въ Кіевѣ портной—Дувидко. Насъ позвали въ дортуаръ, выстроили всѣхъ въ рядъ, а Дувидко, съ поклонами, переходилъ отъ одной къ другой и съ каждой снималъ мѣрку.

Потомъ онъ приходилъ на примѣрку. Мастерницы вносили въ длинныхъ картонахъ платья, мы одѣвались и тогда приглашался Дувидко. Онъ входилъ, весь проникнутый сознаниемъ важности принятой на себя работы.

По очереди, внимательно и подробно, осматривалъ онъ каждое платье и въ каждомъ находилъ необходимымъ дѣлать какія нибудь поправки. Всю работу онъ производилъ двумя пальцами, остальные держалъ на отлетѣ и каждую минуту отскаки-

валь, чтобы издали судить о своемъ произведеніи. Наконецъ, насталь и торжественный день. Это было 1-е іюля 1861 года.

Мы, выпускныя, въ бѣлыхъ тарлатановыхъ платьяхъ, съ такими же бертами, обшитыми кружевомъ и украшенными розовыми ленточками и такого же цвѣта широкими кушаками съ длинными концами, въ черныхъ прюнелевыхъ ботинкахъ и бѣлыхъ лайковыхъ перчаткахъ на одну пуговку, по очереди вызывались къ торжественному, краснымъ сукномъ покрытому столу и отходили отъ него съ огромными пергаменатами. На этихъ пергаментахъ написано было все, чему и какъ научились мы въ институтѣ благородныхъ дѣвицъ. Мнѣ, кромѣ аттестата, вручили еще и медаль.

Родители смотрѣли на насъ съ гордостью и радовались. И мы тоже радовались. Радовались аттестатамъ, радовались тому, что кончили, что вырываемся на свободу, но главная радость была въ томъ, что мы были молоды, всѣ хотѣли жить иначе, чѣмъ жили долгіе годы въ институтскихъ стѣнахъ и всѣ чувствовали, что эта новая, таинственная и прекрасная жизнь уже близко.

Потомъ мы переодѣвались въ дортуарахъ и обливали слезами тарлатановыя оборки и розовыя ленты выпускныхъ платьевъ.

Разставаться съ подругами было такъ грустно. Мы обнимались, цѣловались, клялись, что будемъ писать другъ другу часто-часто, что не забудемъ другъ друга никогда-никогда. Наконецъ разстались, условившись встрѣтиться еще разъ на другой день въ Царскомъ саду ровно въ 6 часовъ вечера.

И встрѣтились.

Это былъ, какъ разъ, часъ большого гулянья. Играла музыка. По большой аллеѣ прохаживались расфранченные и въ мѣру оживленные гуляющіе. Въ мѣру любопытные, огля-

дывали они другъ друга, сдержанно переговаривались, разсѣянно слушали музыку.

Это былъ первый разъ, что я очутилась среди толпы, среди чужихъ людей. Правда, я была не одна, со мной были родители, но за годы институтской жизни я отвыкла отъ нихъ. Своимъ, близкимъ было то, что жило съ нами одной жизнью за высокими бѣлыми институтскими стѣнами. Все остальное казалось для насъ такимъ-же чужимъ и непонятнымъ, какъ и мы для него.

Я растерялась, какъ только вошла въ садъ.

Музыка... толпа... все чужіе и всё, какъ будто, смотрятъ прямо на меня. Я шла со стороны маменьки и какъ-то невольно прижалась къ ней, но почувствовала, что и этого нельзя. Маменька нѣжно, но довольно выразительно отстранила меня.

Чинно и торжественно выступали мы по главной аллеѣ мимо встрѣчныхъ рядовъ гулявшихъ. Маменька подъ руку съ папенькой. Я сбоку. И казалось мнѣ, что все это я вижу во снѣ.

Но вдругъ, поднявъ глаза, какъ разъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ аллея переходила въ площадку, на которой игралъ оркестръ, я замѣтила милое близкое лицо. Это была своя, институтская. И какъ во снѣ просыпаются съ крикомъ, съ такимъ же крикомъ полетѣла я къ ней. И не я одна. Всѣ, кто сговаривался встрѣтиться, вдругъ разсмотрѣли другъ друга и очутились вмѣстѣ. Точно бабочки, подхваченныя вѣтромъ, неслись мы на встрѣчу другъ другу. Все, что близило насъ шесть долгихъ лѣтъ, все это бурно и неудержимо стянуло насъ въ одну стаю. Мы бросались въ объятія другъ друга, цѣловались, смѣялись, плакали, опять обнимались. А кругомъ всё смотрѣли на насъ, удивлялись, перешептывались и улыбались. Родители тоже улыбались, но улыбались растерянно и сконфуженно. Имъ было вовсе не смѣшно.

Какъ во снѣ просыпаются съ крикомъ, съ такимъ же крикомъ полетѣла я къ ней.

Потомъ насъ развели по домамъ.

Дома мнѣ пришлось выслушать много наставленій. Особенно была недовольна маменька. Она укоряла меня въ томъ, что я не умѣю себя держать, говорила, что изліяній, подобныхъ тѣмъ, какія мы позволили себѣ въ городскомъ саду, въ общественныхъ мѣстахъ быть не должно.

На другой день родители и я заѣзжали еще разъ въ институтъ съ прощальнымъ визитомъ къ начальницѣ. Тамъ я опять встрѣтилась съ подругами, но на этотъ разъ мы не допустили себя ни до какихъ изліяній. Даже поздоровались какъ то сдержанно, а цѣлуясь, не припадали другъ къ другу. Вѣроятно, не мнѣ одной пришлось выслушать наставленія о томъ, какъ держать себя. И наставленія, какъ видно, подѣйствовали, а можетъ быть, и не одни наставленія. Можетъ быть, за это время, какъ его ни мало прошло со дня выпуска, между нами уже встала новая настоящая жизнь, встала и разъединила то, что соединяли институтскія стѣны.

Въ пріемную къ начальницѣ вызвали и сестру Сашу. Она пришла съ заплаканными глазами, но увидѣвъ насъ такими измѣнившимися, такими на себя непохожими, принялась съ любопытствомъ разсматривать и насъ и всѣ подробности нашихъ первыхъ визитныхъ туалетовъ.

— Вотъ попроси, чтобы черезъ годъ мнѣ такое купили, — видишь, то зеленое бережеевое, въ клѣточку, — шептала она мнѣ. — Запомни!

И она крѣпко сжимала мнѣ руку похолодѣвшими пальцами. Когда я вернулась уже отъ дверей, чтобы поцѣловать ее еще разъ, она припала ко мнѣ, вся въ слезахъ, и все повторяла мнѣ одной понятныя, а для другихъ странныя, слова:

— Ахъ, ариѳметика! Ахъ, ариѳметика! и какъ же теперь съ дѣленіемъ!?

Вечеромъ въ тотъ же день мы выѣхали изъ Кіева. Ъхали, какъ и въ институтъ, все въ той же нашей каретѣ, припрягая къ ней смѣнныхъ почтовыхъ лошадей.

Когда выѣзжали изъ гостинницы, я думала о томъ, куда прикрутили мой сундукъ съ тарлатановымъ платьемъ, медалью и аттестатомъ. И воздушное бѣлое платье, и большой аттестатъ, и маленькая, тяжелая медаль мнѣ нравились необыкновенно, но разсмотрѣть ихъ, какъ слѣдуетъ, я еще не успѣла. Слишкомъ много было суеты и впечатлѣній за послѣдніе дни.

Сѣли въ карету, поѣхали городомъ, въ которомъ я жила такъ долго и который знала такъ мало.

— Прощай, Кіевъ! Прощай, институтъ! До свиданія, Саша!

И высунувшись изъ окна кареты, я кивала головой въ ту сторону, гдѣ на горѣ стояло бѣлое зданіе, окруженное чугунной рѣшеткой и темными вѣковыми тополями.

И опять, какъ шесть лѣтъ тому назадъ, и впереди, и позади, и по сторонамъ выжженная солнцемъ и посѣрѣвшая отъ пыли у дороги степь. Опять я сижу съ папенькой и маменькой въ нашей каретѣ. Узнаю сафьяновую зеленую обивку съ пуговками, дорожныя мѣшечки по стѣнкамъ. Все прежнее, знакомое. Прежнее—и, какъ будто, другое. Все, точно посѣрѣло; сафьянъ мѣстами облупился, повиытерся, пуговокъ коегдѣ не достаетъ. Постарѣла наша карета. Я смотрю на сидящую противъ меня маменьку. Въ каретѣ, не смотря на открытыя настѣжи окна, душно, и она сняла шляпу. Голова ея откинута назадъ, глаза закрыты. Я вглядываюсь въ тонкое, красивое лицо и вдругъ замѣчаю, что у маменьки волосы уже не такіе золотые, какими они мнѣ запомнились съ дѣтства. А вѣки какія: точно восковыя, и мелкія-мелкія морщинки по угламъ. И все лицо такое усталое. Перевожу глаза на папеньку. Онъ дремлетъ. И онъ тоже, какъ

будто, усталъ, и усы у него посѣдѣли, а на вискахъ волосы совсѣмъ бѣлые. Какъ измѣнились они оба. Я вспоминаю, что Саша, пріѣхавъ въ институтъ, что-то рассказывала мнѣ о томъ, что дома у насъ все по другому. Маменька меньше выѣзжаетъ, папенька ходитъ озабоченный, хмурый. Почему бы это? Что случилось? Что перемѣнилось? Безъ меня и бабушка умерла, и ничего, ничего я не знаю, какъ не знаю всѣхъ моихъ новыхъ братьевъ и сестрицъ. Ахъ, эти новые братцы и сестрицы! Я стараюсь представить себѣ, какіе они. Будутъ ли они мнѣ рады? Ждутъ ли меня? Полюблю ли я ихъ, полюбятъ ли они меня? Что то будетъ, что то будетъ? Тревожно стало у меня на душѣ.

Какъ и шесть лѣтъ тому назадъ, мы остановились ночевать въ корчмѣ. Какъ и шесть лѣтъ тому назадъ, я лежала съ открытыми глазами, а за стѣной были тѣ же, пугавшіе меня въ дѣтствѣ, таинственно жуткіе шорохи, шепоты, топоты. И какъ тогда, такъ и теперь мнѣ стало страшно, страшнѣе, чѣмъ прежде. И чувствовала я, что жизнь подошла ко мнѣ совсѣмъ близко, и что уйти отъ жизни мнѣ нельзя, да и некуда. Бабушка умерла. Институтъ вчера еще былъ, а сегодня и его уже нѣтъ. Бабушкинъ хуторъ, тотъ хуторъ, который мы обѣ любили, продали. Это сказала мнѣ маменька передъ сномъ. Я плакала, а маменька говорила:

— Успокойся, Оля, иначе было нельзя. Съ жизнью надо мириться, ее не передѣлаешь. Она сѣрая, сѣрая и тяжелая, какъ камень. То, о чемъ мечтаешь, никогда не сбывается. Ты это увидишь. Прежде всего надо умѣть покоряться.

И когда я вдругъ отняла руки отъ лица, чтобы возразить, то сквозь слезы, какъ сквозь растрескавшееся стекло, смутно увидѣла маменькино лицо, блѣдное и смущенное. Я поняла, что ей тяжело, тяжелѣе, чѣмъ мнѣ. И на сердцѣ у

меня стало такъ горячо, горячо отъ жалости и эта горячая жалость высушила мои слезы. Грустно и спокойно слушала я маменьку. А она говорила о дѣтяхъ, о томъ, что ихъ такъ много и всѣмъ надо дать образованіе, всѣхъ пристроить. Говорила, что денегъ мало, что ѣхать за мной въ институтъ было не на что, что и хуторъ оттого поторопились продать. Иначе нельзя было.

И, жалѣя маменьку, я отвѣчала, что это ничего, что продали, что безъ бабушки жить на хуторѣ было бы слишкомъ грустно, почти невозможно.

Но, когда я легла въ постель, гдѣ никто меня не видѣлъ, я все-таки еще поплакала о хуторѣ. И страшно было мнѣ жизни, отнявшей у меня все то, что я знала и любила.

Въ страхѣ и тоскѣ я заснула.

Проснулась рано. Папенька и маменька еще спали.

Тихонько, чтобы не разбудить ихъ, я одѣлась и пошла на крылечко. Распахнула дверь, да такъ и застыла на порогѣ.

Солнце вставало. Степь пахнула на меня всей свѣжестью еще не согрѣтой земли. И вдругъ вспомнилось мнѣ купанье на Днѣпрѣ, вспомнилась звѣздная ночь въ институтскомъ цвѣтникѣ.

И ярко, какъ никогда еще, точно вдругъ разгорѣвшійся костеръ, вспыхнуло въ душѣ чувство радости и свободы.

— Вотъ она жизнь, вотъ она огромная, свѣтлая и прекрасная. И пускай я вродѣ одной изъ тѣхъ букашекъ, подъ которыми чуть гнутся тонкія травинки, но я не вѣрю, что жизнь сѣрая, что нужно только смиряться и покоряться. Люблю маменьку, чувствую, что люблю, а этимъ ея словамъ не вѣрю. Есть въ жизни что-то другое, самое главное, самое важное. Что это другое, я пока не знаю. Сообразить не могу. Солнце мѣшаетъ. Оно такое яркое, и такимъ вижу я его первый разъ. И степь мѣшаетъ думать. Она вся, точно

въ брилліантахъ отъ росы и вся звенить и дрожить. Это проснулись въ высокой травѣ всѣ букашки, козявки, полевые мыши, птицы проснулись. И все это копошится, ползаетъ, прыгаетъ, жужжитъ, свиститъ и поетъ.

Все радуется. И во мнѣ радость такая, точно за спиной крылья выросли. И мнѣ хочется затеряться въ травѣ, хочется прыгать, пѣть, хочется вмѣстѣ съ букашками качать тонкія, далеко протянувшіяся отъ восходящаго солнца, тѣни.

— Оля!—позвала меня изъ комнаты маменька.

И опять на сердцѣ у меня сдѣлалось вдругъ горячо, горячо отъ нѣжности и любовной жалости.

— Иду!—крикнула я и сама не узнала своего голоса: такъ звонко и радостно зазвучалъ онъ въ это первое утро моей молодости.

Н. Манаскина.

Дѣтскіе годы Петра Великаго.

II.

Игры и забавы царевича Петра.

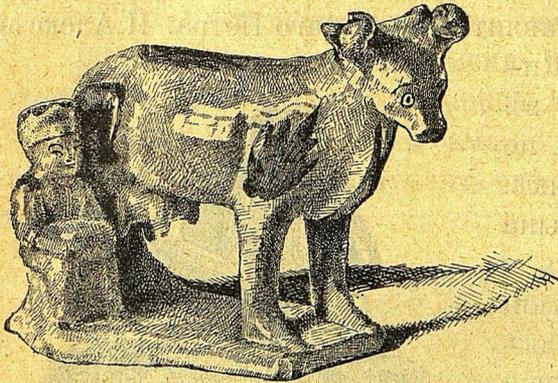
ЦАРЬ съ царицей и всѣ приближенные взапуски старались веселить и забавлять маленькаго Петра. И Алексѣй Михайловичъ и Наталья Кирилловна души не чаяли въ красивомъ, бойкомъ, не по лѣтамъ умномъ мальчикѣ. Были у царя еще два сына отъ первой жены: Ѳедоръ и Иванъ, но сыновья эти были слабаго здоровья и не такъ много общались, какъ младшій сынъ. Были у царя и дочери отъ первой жены, но царевны, хотя ихъ было и пять, въ счетъ не шли. Женщины въ богатыхъ боярскихъ семьяхъ, а особенно въ царскихъ, всю жизнь проводили въ терему и большого значенія въ домѣ не имѣли. Все вниманіе, всѣ заботы царя и царицы, а вмѣстѣ съ ними и всѣхъ приближенныхъ, сосредоточились, такимъ образомъ, на маленькомъ Петрѣ.

Игрушка времени Алексѣя Михайловича. (Изъ собранія историческихъ художественныхъ предметовъ и рѣдкостей С. Э. и В. Я. Евдокимовыхъ. Рисунокъ съ натуры П. С.).

Пока онъ былъ еще очень малъ, ему дарили разныхъ

глиняныхъ и сахарныхъ людей и звѣрей. Сдѣлали ему и потѣшный стулець на желѣзныхъ колесикахъ, на которомъ онъ катался по хоромамъ. Въ хоромахъ же навѣсили для него качели на веревкахъ, обшитыхъ краснымъ бархатомъ. Но самыми любимыми игрушками были для царевича потѣшные сабли, палаши, топорики, барабаны, пушки для стрѣльбы, однимъ словомъ, все, что имѣло отношеніе къ военному дѣлу.

Игрушка времени Алексѣя Михайловича. (Изъ собранія историческихъ художественныхъ предметовъ и рѣдкостей С. Э. и В. Я. Евдокимовыхъ. Рисунокъ съ натуры П. С.).

Съ ранняго дѣтства Петръ былъ окруженъ ровесниками — „ребятами“, набранными изъ родственниковъ и боярскихъ дѣтей. Вмѣстѣ съ товарищами онъ игралъ въ войско, въ войну. О томъ, съ какимъ увлеченіемъ стносился и Петръ и его „ребяти“ къ этимъ играмъ, можно судить по записямъ дворцовыхъ расходовъ. Потѣшныя знамена, пушки, барабаны и луки постоянно отдавались въ починку и очень часто мастерамъ заказывались новые, взаменъ уже совершенно попорченныхъ. Для „товарищей-ребятковъ“ былъ придуманъ даже особый нарядъ. Имъ сшили кафтаны изъ сукна яркихъ цвѣтовъ, кушаки дѣлали изъ алой, желтой, зеленой и лазоревой тафты и шапки изъ бѣличьяго мѣха.

Особенно баловалъ царевича Артамонъ Сергѣевичъ Матвѣевъ, бояринъ, въ домѣ котораго воспитывалась Наталья Кирилловна.

Съ ранняго дѣтства Петръ былъ окруженъ ровесниками — „ребятами“, набранными изъ родственниковъ и боярскихъ дѣтей. Вмѣстѣ съ товарищами онъ игралъ въ войско, въ войну. О томъ, съ какимъ увлеченіемъ стносился и Петръ и его „ребяти“ къ этимъ играмъ, можно судить по записямъ дворцовыхъ расходовъ.

Когда царевичу исполнился годъ, онъ подарилъ ему къ именинамъ потѣшную лошадку. Лошадка эта была деревянная, обтянутая настоящей жеребьячьей кожей. Было на ней сѣдло съ стременами, были разные „запряжники“ и все это вызолоченное и высеребрянное сусальнымъ золотомъ и серебромъ. Когда же царевичу исполнилось три года, еще лучше подарокъ придумалъ для него Артамонъ Сергѣевичъ. Онъ подарилъ царевичу маленькую вызолоченную карету въ четыре лошадки пигмейной породы (пони). Стекла въ окнахъ этой кареты были хрустальные, а на стеклахъ были нарисованы разные иноземные цари. Карета внутри была обита бархатомъ и золотой бахромой.

Въ этой собственной маленькой каретѣ царевичъ выѣзжалъ во время царскихъ торжественныхъ выѣздовъ. Вслѣдъ за поѣздомъ царя и царицы ѣхала и его каретка, а по бокамъ шли четыре карлика и такой же карликъ ѣхалъ сзади на крошечномъ конькѣ.

Такъ выѣзжалъ царевичъ довольно часто. Мать его, молодая, веселая, очень любила всякія развлечения и выѣзды; царь въ ней души не чаялъ и всюду бралъ ее съ собой. Бралъ даже на любимую имъ соколиную охоту. И маленькій Петръ тоже ѣздилъ съ ними. Наталья Кирилловна его безъ себя не оставляла.

Водили маленькаго Петра и въ Потѣшную палату.

Эта Потѣшная палата занимала нѣсколько комнатъ во дворцѣ и въ ней было собрано все, что служило для увеселенія царской семьи. Здѣсь хранилась разная потѣшная утварь и рухлядь, т. е., платье, разныя вещи и разныя музыкальные и другіе потѣшные „стремента“: органы и цымбалы *).

*) Цымбалы похожи на гусли съ металлическими струнами. На нихъ играли, ударяя по струнамъ двумя деревянными молоточками, обтянутыми сукномъ.

Особенно затѣйнымъ былъ органъ изъ Голландіи, къ которому, выписанные изъ Германіи, нѣмцы придѣлали соловья и кукушку, и тѣ начинали пѣть, когда органъ игралъ.

Обыкновенно царь съ царицей, съ царевичами, царевнами, дворцовымъ штатомъ и приглашенными приходилъ въ Потѣшную палату сейчасъ же послѣ ранняго ужина.

Здѣсь уже ждали его прихода игрецы на разныхъ инструментахъ, бахари, домрачи, нищіе-богомольцы, карлы и фокусники, фигляры, канатные плясуны и шуты. Каждый развлекалъ царя по своему. Бахари говорили сказки, домрачи пѣли былины, играя на „домрѣ“, инструментъ вродѣ гитары. Богомольцы, столѣтніе старики, распѣвали пѣсни духовнаго содержанія. Арапы, калмыченки и карлы въ лазоревыхъ, желтыхъ и алыхъ кафтанахъ плясали, кувыркались и боролись между собой.

Была во дворцѣ и особая „комидійная палата“, гдѣ давались разныя театральныя представленія. Пьесы ставились исключительно духовнаго содержанія: исторія Эсфири, исторія Юдифи, исторія Юсифа, исторія Навуходоносора и трехъ отроковъ, исторія Давида.

На такихъ представленіяхъ царь сидѣлъ обыкновенно на скамьѣ передъ сценой, а царица съ дѣтьми въ ложѣ и смотрѣли они на представленіе изъ-за рѣшетки.

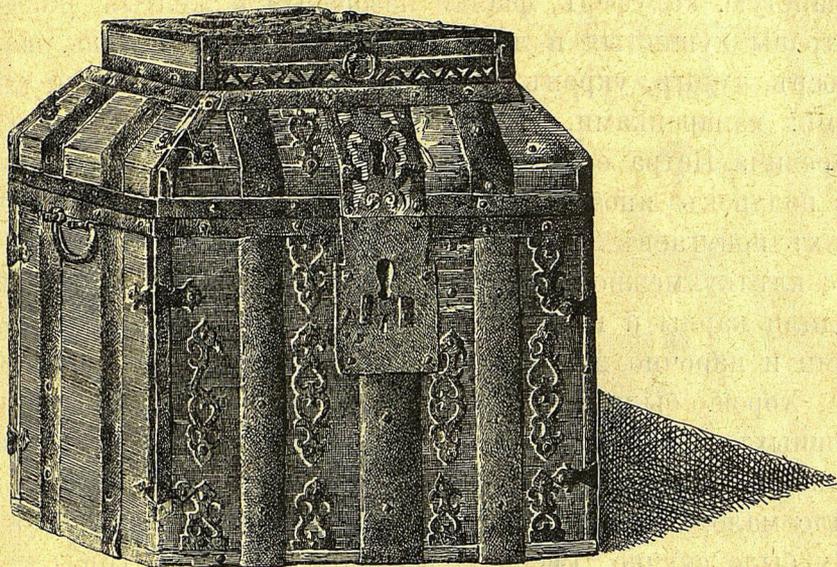
Иногда, по зимамъ, царь съ царевичами выходилъ смотрѣть на медвѣжьи бои. Для этой потѣхи было отведено особое мѣсто въ заднемъ кремлевскомъ дворѣ и для этой забавы какъ то даже выписывали бѣлыхъ медвѣдей.

И съ ледяныхъ горъ вмѣстѣ съ ребятками-товарищами катался во дворѣ маленькій Петръ.

Но однимъ изъ самыхъ любимыхъ мѣстъ для игръ была

для него площадка въ комнатномъ саду между хоромами его и царицыными.

Эти комнатные царскіе сады устраивались въ дворцовомъ помѣщеніи и такихъ садовъ было нѣсколько: былъ садъ общій.

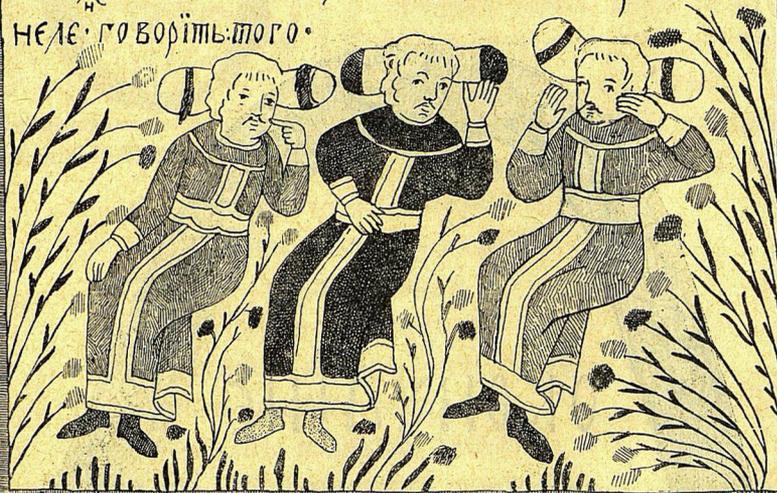
Сундучекъ времени Алексѣя Михайловича. (Изъ собранія историческихъ художественныхъ предметовъ и рѣдкостей С. Э. и В. Я. Евдокимовыхъ. Рисунокъ съ натуры П. С.)

былъ садъ царицынъ, были сады царевичей и царевенъ. Ихъ устраивали на каменныхъ сводахъ, застланныхъ досками и плотно запаянныхъ свинцомъ. Это свинцовое вмѣстилище покрывалось хорошо просѣянной землей, глубиною на аршинъ съ четвертью для разсадки растений. Садъ огораживался рѣ-

шеткою съ балясинами. Изъ деревьевъ садили: царьградскій орѣхъ, орѣхъ грецкій; яблони и груши. Садили кусты крыжовника, барбариса, малины и смородины. Для цвѣтовъ дѣлали грядки и обсаживали ихъ не дерномъ, а огораживали досками, такъ что выходили ящики. Изъ цвѣтовъ садили: піоны махровые, тюльпаны, лилеи бѣлыя и желтыя, гвоздику душистую, калудеръ, фіалки лазоревыя и желтыя. Разводили и травы душистыя и лекарственныя: мяту, дягиль, шалфей, чаберъ, тминъ, укропъ. Въ саду развѣшивали клѣтки съ птицами: канарейками, соловьями, перепелками и попугаями. Царевича Петра особенно забавляли попугаи. Привозили ихъ въ подарокъ иноземные послы и заѣзжіе купцы и держали этихъ попугаевъ въ желѣзныхъ клѣткахъ на блокахъ, такъ что клѣтку можно было спускать и поднимать. За попугаями ходили карлы и кормили птицъ калачами, миндальными орѣхами и нарочно для корма приготовленными лепешками.

Хорошо было прогуляться въ такомъ саду, особенно послѣ душныхъ и низкихъ, даже во дворцахъ, жилыхъ покоевъ, но живому и затѣйному ребенку, какимъ былъ Петръ, этого было мало. Ходить по дорожкамъ, обозначеннымъ досками, ему было скучно. Тѣсно, и все одно и то же. Чтобы угодить ему, въ концѣ сада, примыкавшаго къ царицынымъ покоямъ, выстроили площадку, на которой онъ могъ играть въ свои любимыя игры вмѣстѣ съ „ребятками-товарищами“. На этой площадкѣ стоялъ потѣшный шатеръ и потѣшная изба, рогатки и пушки. Въ этомъ же саду ему устроили прудъ, который по свинцовымъ трубамъ наполнялся водою посредствомъ водовзводной машины. По этому пруду царевичъ плавалъ въ лодкахъ и разныхъ другихъ, сдѣланныхъ плотниками, потѣшныхъ судахъ. Потомъ уже изъ сада онъ перешелъ на рѣку Язу въ селѣ Преображенскомъ и на пруды

трое въ виноградѣ лѣнны лежатъ. а виноградъ
 оу·ты·внѣ·воста·неростѣ·в·братѣ·востпани·
 са·напїтася·инакормї·р·какъ·ва·братцы·
 не·ле·говорїть·того·

Рисунокъ въ крышкѣ сундучка, съ надписью: „Трое въ виноградѣ лѣнны лежатъ.
 Первый:—Виноградъ, почему ты къ намъ въ уста не ростешь?—Второй:—Братъ,
 встань, самъ напїтайся и насъ накорми.—Третїй:—Какъ вамъ, братцы, не лѣнь
 говорить это?—

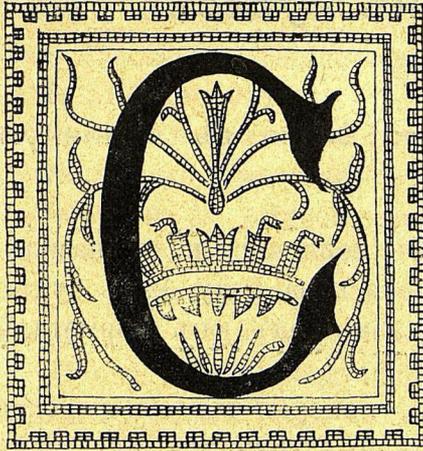
села Измайлова. Тамъ его военныя игры обратились въ настоящее серьезное дѣло, и изъ „ребятокъ“—товарищей игръ стали образовываться два полка, Преображенскій и Семеновскій.

Среди „ребятокъ“ было нѣсколько человѣкъ, которые, выросши, сдѣлались сподвижниками Петра и помогали ему въ трудномъ и великомъ дѣлѣ преобразованія Россіи, перемѣны всей русской жизни на новый ладъ.

ОКОНЧАНИЕ
СЛѢДУЕТЪ

Дуга времени Петра Великаго.

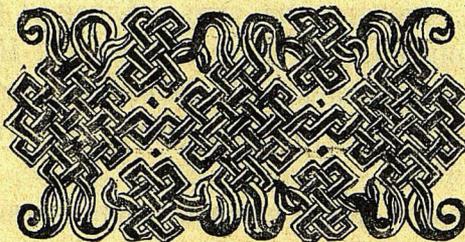

Вечерь.

УМРАКЪ въ окнахъ чуть
мерцаеть,
Дрема въ воздухѣ висить.
Слышишь, вѣтеръ напѣваетъ,
Вѣрно, спать тебѣ велить.
Ужъ давно часы въ гостиной
Прозвенѣли серебромъ.
Вечерь ласковый и длинный
Тѣни свѣсилъ за окномъ.

Не пора-ль намъ кончить сказки,
Не пора-ль пойти ко сну?
У тебя устали глазки,—
Сонъ давно приникъ къ окну.
Слышишь, вѣтеръ напѣваетъ,
Пѣсню ласково поеть.
Дрема въ воздухѣ летаетъ,
Сонъ по комнатамъ идетъ.

Н. Ашуркинъ.

Алиса въ странѣ чудесъ.

ГЛАВА IV.

Кроликъ посылаетъ маленькаго Билля въ каминную трубу.

ЭТО былъ Бѣлый Кроликъ. Онъ медленно шелъ назадъ, съ безпокойствомъ оглядываясь на ходу, какъ будто, что-то потерялъ. И Алиса услышала, какъ онъ бормоталъ про себя:

— Герцогиня! Герцогиня! Охъ, лапочки вы мои дорогія! Охъ, шкурка моя и усы мои бѣдные! Казнить она меня смертию, это ужъ вѣрно, такъ же вѣрно, какъ то, что хорька зовутъ хорькомъ. И гдѣ только я ихъ обронилъ— не понимаю.

Въ ту же минуту Алиса догадалась, что онъ искалъ вѣеръ и пару лайковыхъ перчатокъ и сама съ готовностью стала разыскивать ихъ, но ихъ нигдѣ не было видно, и все вокругъ казалось измѣнившимся съ той поры, какъ она плавала въ озерѣ слезъ. Длинный залъ со стекляннымъ столикомъ и маленькой дверкой исчезли совершенно.

Кроликъ очень скоро замѣтилъ Алису, разыскивавшую вещи, и обратился къ ней сердитымъ голосомъ:

— Марианна, что ты еще тутъ дѣлаешь? Сію же минуту бѣги домой и принеси мнѣ пару перчатокъ! Ну, живѣй!

Алиса такъ испугалась, что со всѣхъ ногъ бросилась бѣжать по указанному имъ направленію, не пытаясь выяснить ему, что онъ ошибся.

— Онъ принялъ меня за свою горничную, — сказала она на бѣгу самой себѣ.— Вотъ удивится то, когда узнаетъ, кто

я такая! Но я все-таки принесу ему его вѣрѣ и перчатки, конечно, если только найду ихъ. — Говоря это, она вдругъ увидѣла маленькій, хорошенькій домикъ, на двери котораго была блестящая мѣдная доска и на ней выгравирована фамилія „Б. Кроликъ“.

Алиса вошла, не постучавшись, и быстро вѣжала по лѣтницѣ въ ужасномъ страхѣ, что встрѣтитъ настоящую Маріанну и та выпроводитъ ее изъ дома и не дастъ отыскать вѣрѣ и перчатки.

— Какъ странно,—сказала сама себѣ Алиса,—скоро, пожалуй, я и у Дины буду служить на посылкахъ.

И она стала представлять себѣ, что можетъ съ нею случиться въ этомъ родѣ.

— „Миссъ Алиса! Пожалуйте-ка сюда, пора вамъ гулять итти“. „Подождите минуточку, няня! Я должна караулить мышью норку, пока Дина не вернется, и смотрѣть, чтобы мышка не убѣжала“. Только, пожалуй,—продолжала думать Алиса,—Дину не стануть держать дома, если она начнетъ такъ распорядиться людьми.

Между тѣмъ, она вошла въ маленькую, чистенькую комнату со столомъ у окна и на этомъ столѣ, (какъ и надѣялась), нашла вѣрѣ и двѣ или три пары тоненькихъ, бѣлыхъ лайковыхъ перчатокъ. Она взяла вѣрѣ и одну пару перчатокъ и хотѣла уже выйти изъ комнаты, какъ вдругъ ея взглядъ упалъ на маленькую бутылочку, стоящую возлѣ зеркала. На этотъ разъ на бутылочкѣ не было билетика съ надписью: „Выпей меня“, но Алиса все-таки откупорила ее и поднесла къ губамъ.

— Я знаю, что *что нибудь* интересное да случается, — сказала она самой себѣ,—каждый разъ, когда я что нибудь съѣдаю или выпиваю, и вотъ я посмотрю, что со мной будетъ,

когда я выпью изъ этой бутылочки. Надѣюсь, что отъ нея я опять вырасту, а то, право, ужъ мнѣ очень надоѣло быть такой крошечной малявкой.

— Какъ она думала, такъ и случилось, и даже быстрѣе, чѣмъ можно было ожидать: не успѣла она выпить и половины изъ бутылочки, какъ ея голова стукнулась о потолокъ и она перестала пить, чтобы не сломать себѣ шеи. Поскорѣй поставила она бутылочку обратно на столъ, говоря себѣ самой:

— Довольно теперь. Авось, я больше не буду расти, а то, вѣдь, мнѣ нельзя будетъ выйти въ дверь. Теперь я жалѣю, что такъ много выпила.

Увы! сожалѣніе было слишкомъ позднее! Она все продолжала расти и расти и скоро ей пришлось стать на колѣни на полъ. Въ слѣдующую минуту уже нельзя было оставаться и въ этомъ положеніи и пришлось попробовать, не выйдетъ-ли лучше, если лечь, упираясь однимъ локтемъ въ дверь и закинувъ другую руку за голову.

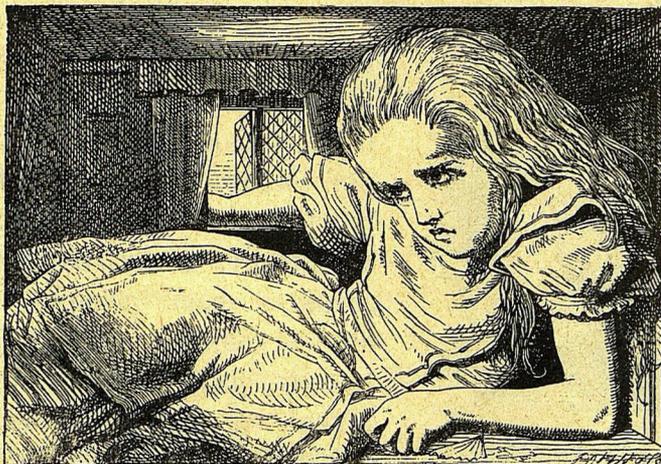
Но она все еще продолжала расти и единственное, что ей оставалось сдѣлать, это высунуть руку въ окно, а ногу помѣстить надъ каминомъ. Исполнивъ это, она сказала самой себѣ:

— Больше я ничего не могу сдѣлать, что бы ни случилось. Что же со мною будетъ?

Къ счастью для Алисы, волшебная бутылочка произвела на нее все свое дѣйствіе и больше она не выросла. Но и безъ того было очень неудобно, и такъ какъ не предвидѣлось никакой возможности выйти изъ комнатки, то вполне понятно, что Алиса чувствовала себя очень несчастной.

— Дома гораздо веселѣе—подумала бѣдная Алиса,—тамъ не дѣлаешься то меньше, то больше и тобой не распоряжаются мыши и кролики. Пожалуй, лучше было бы мнѣ не спускаться

въ эту кроличью нору, а впрочем... впрочем... ужасно, знаете ли, интересно пожить такую жизнью! Мнѣ такъ любопытно, что еще можетъ со мною случиться? Когда я читала волшебныя сказки, я воображала, что есть вещи которыя никогда не случаются, а теперь я, какъ разъ, среди этихъ невозможныхъ вещей. Про меня можно написать цѣлую книгу, непременно надо это сдѣлать.

Единственное, что ей оставалось сдѣлать, это высунуть руку въ окно, а ногу помѣстить надъ каминомъ.

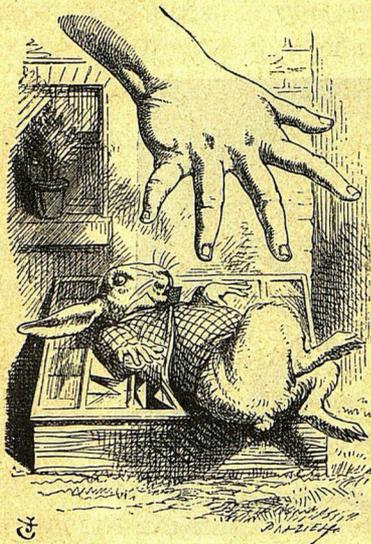
Когда я выросту большая, я сама напишу такую книгу... впрочемъ, я уже выросла большая, — прибавила она печально, — по крайней мѣрѣ, *здесь* больше вырости нельзя. Но въ такомъ случаѣ, значить, я никогда не буду становиться старше, чѣмъ я теперь? Положимъ, очень пріятно никогда не дѣлаться старухой... но всегда учить уроки!

Охъ, этого бы я не хотѣла!

— Глупая, ты, глупая Алиса!— стала она возражать самой себѣ.—Какіе здѣсь могутъ быть уроки? И для тебя-то самой здѣсь мѣста едва хватаетъ, а для учебниковъ и совсѣмъ никакого мѣста нѣтъ.—Такъ она продолжала лежать и обсуждать со всѣхъ сторонъ свое положеніе, но черезъ нѣ-

сколько минутъ услышала голосъ, доносившійся снаружи и стала прислушиваться.

— Марианна! Марианна!— произнесъ голосъ.—Сію же минуту подай мнѣ мои перчатки!—Потомъ послышалось легкое пошлепыванье лапокъ по лѣстницѣ. Алиса поняла, что это Кроликъ ее разыскиваетъ и такъ задрожала, что затрясся весь домикъ. Она совсѣмъ забыла, что сдѣлалась въ тысячу разъ больше Кролика и теперь ей совсѣмъ нечего было его бояться.

Она вдругъ протянула руку и сдѣлала въ воздухѣ движеніе пальцами, какъ будто хотѣла схватить.

Тѣмъ временемъ Кроликъ подошелъ къ двери и попробовалъ ее отворить, но такъ какъ дверь отворялась во внутрь, а Алисинъ локоть былъ плотно къ ней прижатъ, то попытка Кролика не увѣнчалась успѣхомъ. Алиса услышала, какъ онъ сказалъ самому себѣ:

— Ну, такъ я обойду и влѣзу въ окошко.

— Этого-то и не будетъ,—подумала Алиса и, выждавъ, когда шаги Кролика послышались подъ окномъ, она вдругъ протянула руку и сдѣлала въ воздухѣ движеніе пальцами, какъ будто хотѣла схватить. Ей въ руку ничего не попало,

но она услышала легкой взвизгъ, шумъ паденія и трескъ разбитаго стекла, изъ чего заключила, что, вѣроятно, Кроликъ упалъ на парниковую раму или на что нибудь въ этомъ родѣ.

Вслѣдъ за этимъ раздался разсерженный голосъ,—голосъ Кролика:

— Пэтъ! Пэтъ! Гдѣ ты?—и, въ отвѣтъ ему, другой голосъ, котораго Алиса никогда до тѣхъ поръ не слыхала:

— Здѣсь я, гдѣ же мнѣ и быть. Окапываю яблони, ваша милость!

— Окапываю яблони!—сердито проворчалъ Кроликъ.—Иди же сюда скорѣй и помоги мнѣ подняться. (Снова послышался звонъ битаго стекла).

— Ну, теперъ скажи мнѣ, Пэтъ, что такое тамъ, въ окнѣ?

— Ручища, ваша милость, вѣрное слово, ручища. (Онъ произнесъ не „ручища“, а „ручьище“).

— Ручища! Гусь ты,—гусь и есть и больше ничего! Кто же когда нибудь видалъ такую руку? Вѣдь она занимаетъ все окно!

— Вѣрное слово, занимаетъ, ваша милость; а все жъ таки, это рука.

— Ну, хорошо, не въ этомъ дѣло; ступай и уברי ее.— Вслѣдъ за этимъ наступила долгая тишина, и Алиса только отъ времени до времени улавливала шепотомъ произнесенныя слова:

— Не охота мнѣ, ваша милость, ужъ больно не охота!

— Дѣлай, что тебѣ говорятъ, трусь ты этакій!

Наконецъ она опять протянула руку и снова сдѣлала въ воздухѣ движеніе, какъ будто хотѣла схватить.

На этотъ разъ послышалось два взвизга и вдвое сильнѣйшій трескъ разбиваемаго стекла.

— Сколько же это у нихъ тамъ парниковыхъ рамъ!—подумала Алиса.—А интересно, что они теперь станутъ дѣлать. Что касается того, чтобы вытащить меня изъ окна, такъ я даже очень хотѣла бы, чтобы они *могли* это сдѣлать. Мнѣ совсѣмъ не хочется здѣсь дольше оставаться, ужь это-то вѣрно.

Нѣсколько времени ничего не было слышно. Наконецъ раздалось погромохиванье телѣжки и звукъ многихъ голо-совъ, говорившихъ заразъ.

Алиса разобрала слова:

— Гдѣ другая лѣстница?—Да я думалъ, одну только надо. Другую Билль взялъ.... Билль! Тащи ее сюда, малый!—Ну, вотъ, ставьте на уголъ... Нѣтъ, сначала свяжите обѣ вмѣстѣ....

— Ишь ты, и до половины не хватаетъ!—Ничего, хватить. Ты не больно привередничай. Сюда, Билль! Лови веревку.—Крыша-то выдержать ли? Смотри, смотри, эта черепица шатается...

— Сорвалась, полетѣла! Берегите головы! (Сильный трескъ).

— Ну, вотъ, это кто же надѣлалъ?

— Сдается мнѣ, что это Билль —Кто полѣзетъ въ трубу?— Нѣтъ, ужь, я—ни за что! Ты полѣзай!—Какъ же, такъ я и полѣзъ! Пускай Билль лѣзетъ... слушай, Билль! Хозяинъ говоритъ, чтобы ты лѣзъ въ трубу.

— Значить это Билль слѣзетъ сюда по трубѣ?—сказала самой себѣ Алиса.— Они рѣшительно все валяютъ на этого Билля. Ни за что не хотѣла бы быть на его мѣстѣ: хотя очагъ и узокъ, но я думаю, мнѣ удастся поддаться, какъ слѣдуетъ.—Она протянула ногу въ каминную дыру, насколько только могла глубже и стала ждать, пока не услышала, какъ какое-то маленькое животное (она не могла догадаться, къ какой породѣ оно принадлежало) заскреблось и зацарапалось въ каминной трубѣ, какъ разъ надъ нею. Тогда, сказавъ себѣ:

— Это Билль,—она сдѣлала рѣзкое движеніе ногою снизу вверхъ и стала ждать, что будетъ.

Прежде всего она услышала, какъ всѣ голоса крикнули заразъ:

— Билль летить!

Затѣмъ раздался голосъ Кролика:

— Держите его, эй, вы, держите!

Потомъ наступила тишина, а потомъ опять послышался смутный говоръ:

— Держите ему голову.—Теперь дайте немножко коньяку.—Осторожнѣе, не встряхивайте его.

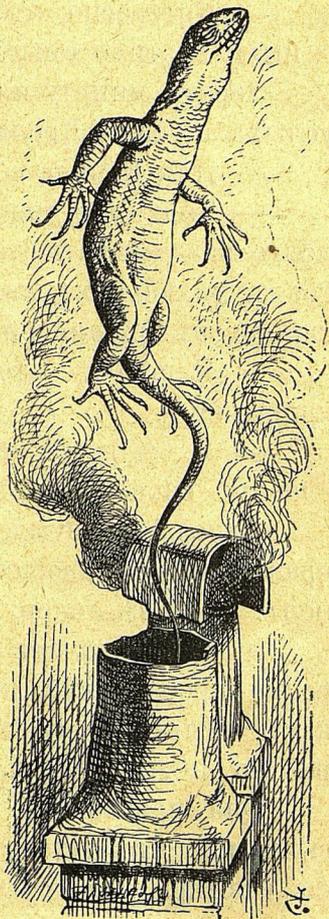
— Какъ же это вышло-то такъ, старина? Что съ тобой случилось? Расскажи все, какъ было!

Наконецъ послышался слабенькій пискливый голосокъ: (это Билль говоритъ,—подумала Алиса).

— Ужь, право, я и самъ не знаю... Нѣтъ, довольно, благодарю васъ. Теперь мнѣ лучше... но все таки я слишкомъ ошеломленъ, чтобы все вамъ передать. Одно могу сказать, что вдругъ что-то выскочило, точно фигурка изъ коробочки, ударило меня, словно рычагомъ, и я вылетѣлъ, какъ ракета.

— Точь въ точь ракета, — подтвердили остальные голоса.

— Надо поджечь домъ!—произнесъ голосъ Кролика.

— Билль летить!—

Тогда Алиса закричала, какъ только могла громче:

— Если вы это сдѣлаете, я спущу на васъ Дину!

Мгновенно наступила мертвая тишина и Алиса сказала себѣ самой:

— Интересно, что они теперь станутъ дѣлать! Если бы у нихъ хватило смысла, они разобрали бы крышу.

Черезъ минуту или двѣ опять началось движеніе и Алиса услышала, какъ Кроликъ сказалъ:

— Для начала одной тачки довольно.

— Тачки съ чѣмъ?—подумала Алиса. Но ей не пришлось долго раздумывать, такъ какъ въ слѣдующую минуту цѣлый градъ маленькихъ камешковъ защелкалъ въ окно, а нѣсколько камешковъ попало ей въ лицо.

— Я положу этому конецъ,—сказала она самой себѣ и крикнула:

— Я бы вамъ не совѣтовала этого повторять!—За этими словами снова послѣдовала мертвая тишина.

Алиса съ изумленіемъ замѣтила, что всѣ камешки превращались въ крошечные пирожки, какъ только падали на полъ, и ей въ голову пришла блестящая идея:

— Если я съѣмъ одинъ изъ этихъ пирожковъ, въ моемъ ростѣ произойдетъ, навѣрно, какая-нибудь перемѣна, и такъ какъ нельзя допустить, чтобы я еще стала расти, то, вѣроятно, я уменьшусь.—

Она проглотила одинъ изъ пирожковъ и съ восторгомъ замѣтила, что тотчасъ же начала уменьшаться. Какъ только ея размѣры позволили ей пройти въ дверь, она выбѣжала изъ дома и нашла цѣлую кучку маленькихъ животныхъ и птицъ, собравшихся подъ окномъ.

Въ серединѣ находилась маленькая бѣдная Ящерица, Билль, поддерживаемая двумя морскими свинками, которыя

давали ей что-то пить изъ бутылки. Всѣ кинулись къ Алисѣ, какъ только она появилась, но она бросилась бѣжать со всѣхъ ногъ и скоро очутилась въ полной безопасности, въ густомъ лѣсу.

— Прежде всего,—сказала себѣ Алиса, разгуливая по лѣсу,—я должна сдѣлаться такого роста, какъ всегда, а потомъ я должна отыскать дорогу въ этотъ прелестный садъ. Мнѣ кажется, что это самый лучший планъ.--

Конечно, планъ былъ великолѣпный и очень просто и мило придуманъ. Единственная трудность заключалась въ томъ, что она совершенно не знала, какъ привести его въ исполненіе. Въ то время, какъ она безпокойно бродила между деревьями, тщетно отыскивая дорогу, тоненькое рѣзкое тьяканье, какъ разъ надъ ея головою, заставило ее быстро обернуться. Огромный щенокъ смотрѣлъ на нее большими круглыми глазами и легонько протягивалъ лапочку, стараясь тронуть ее.

— Ахъ ты, миленькій!—сказала Алиса задобривающимъ тономъ и даже сдѣлала все возможное, чтобы засвистать, но испытывала все время ужасный страхъ при мысли, что щенокъ можетъ быть голоденъ и, въ такомъ случаѣ, весьма вѣроятно, съѣстъ ее, несмотря на всѣ ея ласки и заигрыванья.

Едва сознавая, что дѣлаетъ, она подняла съ земли кусокъ палочки и протянула его щенку.

Тотъ, съ восторженнымъ лаемъ, подпрыгнулъ на воздухъ всѣми четырьмя лапками, бросился на палочку и сдѣлалъ видъ, что разгрызаетъ ее. Алиса увернулась и спряталась за большой чертополохъ, боясь, чтобы щенокъ не перепрыгнулъ черезъ нее. А въ ту минуту, когда она выглянула съ другой стороны, щенокъ снова бросился на палочку и полетѣлъ ку-

выркомъ, стараясь схватить ее, какъ можно скорѣе. Алиса, понимая, что, при ея теперешнемъ ростѣ, играть со щенкомъ все равно, что съ пони, и опасаясь каждую минуту, что онъ затопчетъ ее своими лапами, опять забѣжала за чертополохъ.

Она подняла съ земли кусокъ палочки и протянула его щенку.

Тогда щенокъ предпринялъ цѣлый рядъ короткихъ нападеній на палочку, выбѣгая каждый разъ немного впередъ и отбѣгая на большое разстояніе назадъ все время съ хриплымъ тавканьемъ. Наконецъ, онъ успѣлся вдаль, тяжело и поры-

висто дыша, высунувъ языкъ и полу-закрывъ свои большіе глаза.

Алиса нашла, что теперь, какъ разъ, для нея настало подходящее время, чтобы спастись.

Она вдругъ бросилась бѣжать и бѣжала до тѣхъ поръ, пока совсѣмъ не выбилась изъ силъ и не запыхалась и пока лай щенка не сталъ доноситься до нея чуть слышно издали.

— А все-таки, что за славненькій это былъ щеночекъ!— сказала Алиса, опершись для отдыха на стебелекъ лютика и обмахиваясь однимъ изъ его листиковъ.

— Съ какимъ бы удовольствіемъ я его научила разнымъ штукамъ, если бы... если бы это возможно было сдѣлать при моемъ ростѣ. О, Господи! Я совсѣмъ забыла, что мнѣ нужно вырасти. Какъ же бы это устроить? Вѣроятно, мнѣ нужно съѣсть или выпить что-нибудь, но весь вопросъ въ томъ: „что“?—

Да, это былъ вопросъ первой важности. Алиса оглянулась вокругъ на цвѣты и стебли травъ, но не нашла ничего подходящаго, что можно было бы съѣсть или выпить. Неподалеку отъ нея росъ большой грибъ, приблизительно одного роста съ нею. Она заглянула подъ него, по обѣимъ его сторонамъ и сзади него и ей пришлось въ голову, что она можетъ посмотреть и сверху.

Она встала на цыпочки, украдкой заглянула черезъ край грибной шапочки и тотчасъ же ея глаза встрѣтились съ глазами большого голубого червяка. Червякъ сидѣлъ на самомъ верху, сложивъ руки, и мирно курилъ трубку съ длиннѣйшимъ чубукомъ, не обращая никакого вниманія ни на Алису и ни на что бы-то ни было.

(Продолженіе слѣдуетъ).

М о р е.

XVI.

Р ы б а.

СВОБОДНАЯ стихія, море, должно было рано или поздно создать существо по своему образу и подобию, существо безпредѣльно свободное, скользющее, волнообразное.

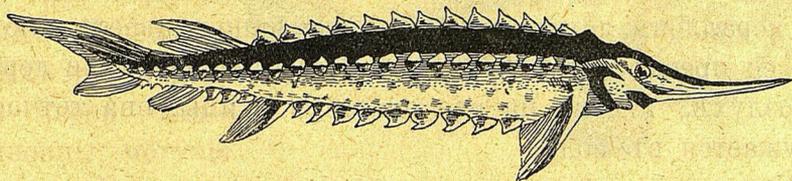
Пренебрегая средствами внѣшней защиты, оно сосредоточило всю силу внутри себя.

Ракообразный, вѣроятно, сталъ смѣяться, когда увидѣлъ въ первый разъ большое, мягкое существо, скользившее, извивавшееся, безъ раковины, безъ панцыря, безъ всякой защиты. Вся сила этого существа была внутри, извнѣ его предохраняла только клейкая жидкость, обильная слизь, окружавшая его и мало-по-малу укрѣплявшаяся на немъ въ видѣ растяжимой чешуи. Образовалась мягкая кольчуга; она сжималась, растягивалась и поддавалась, но не вполнѣ.

Освободившись отъ твердаго панцыря ракообразнаго, рыба вмѣстѣ съ тѣмъ освободилась отъ опасности линянія, слабости, страшнаго расходованія силъ, требуемыхъ въ это время. Рыба линяетъ слабо и медленно, какъ человѣкъ и большія животныя.

Подобно ракообразному, рыба предпочитаетъ силу красотѣ и поэтому уничтожаетъ шею. Голова и туловище у нея изъ одного куска. Чтобы разрѣзать легко раздѣляющуюся воду, рыба ударяетъ страшно сильно, если захочетъ, въ тысячу разъ сильнѣе, чѣмъ надо, и тогда летитъ, какъ стрѣла, съ быстротою молніи.

Внутренняя кость, явившаяся у каракатицы чѣмъ-то со-
всѣмъ отдѣльнымъ и безформеннымъ, у рыбы — цѣлая си-
стема, очень сложная. Она приспособлена къ мускуламъ, ко-
торые попеременно то сокращаясь, то растягиваясь, произво-
дятъ движеніе, а сильные плавни разрѣзаютъ воду, гребутъ
и направляютъ ходъ. Рыба—это существо, въ совершенствѣ
созданное для движенія. Даже птица менѣе подвижна, въ
томъ смыслѣ, что должна садиться. На ночь она остается въ
неподвижномъ состояніи. Рыба—никогда. Во снѣ она продол-
жаетъ колебаться. Кромѣ того, рыбы очень живучи. Гдѣ-бы
вы ни увидали воду, вы можете быть увѣрены, что найдете
въ ней и рыбъ. Въ самыхъ высокихъ озерахъ Кардильеровъ

Стерлядь.

и Азіатскихъ горъ, гдѣ воздухъ такъ разрѣженъ, что не мо-
жетъ существовать, ни одно живое существо, рыбы упор-
ствуютъ и живутъ въ величайшемъ одиночествѣ. Пискаръ,
маленькая красная рыбка, можетъ гордиться тѣмъ, что подъ
нимъ лежитъ вся земля. На огромной глубинѣ, подъ ужасаю-
щими тяжестями существуютъ сельди и треска. Другая осо-
бенность рыбъ, способствующая ихъ свободѣ, состоитъ въ
томъ, что многія породы (сомы, желѣзницы или бѣшенки,
угри, стерляди) одинаково переносятъ прѣсную и морскую
воду и правильно переплываютъ изъ одной въ другую. Но
все-таки извѣстная степень жары, извѣстный родъ пищи,
извѣстныя привычки обособляютъ ихъ, ставятъ имъ преграды

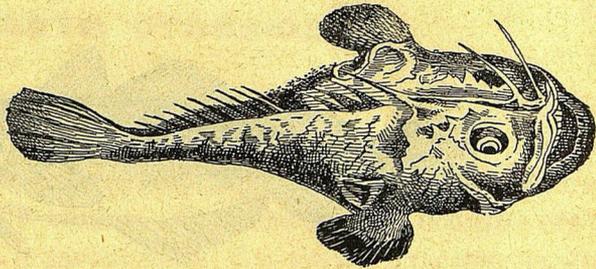
въ свободной водной стихіи. Теплыя моря — непроходимая стѣна для полярныхъ породъ. А съ другой стороны, рыбы теплыхъ морей останавливаются передъ холодными течениями мыса Доброй Надежды. Извѣстно не болѣе двухъ или трехъ породъ рыбъ, которыя могутъ жить повсюду одинако. Въ открытое море выходятъ немногія, большинство—прибрежные жители и любятъ опредѣленные берега. Живущія въ Соединенныхъ Штатахъ не встрѣчаются въ Европѣ. Къ этому надо прибавить особенности вкусовъ, которыя не лишаютъ ихъ вполнѣ свободы, но удерживаютъ въ извѣстныхъ мѣстахъ. Скаты бродить по илу, а камбала надъ песчанымъ дномъ. Мурена (родъ угря) любитъ скалы, а окунь плоскіе песчаные берега. Рогоклювъ плаваетъ въ неглубокой водѣ, надъ рядами коралловъ, летучая рыба попеременно плаваетъ и летаетъ. Если ее преслѣдуетъ рыба, она бросается вверхъ и держится въ воздухѣ, а если на нее охотятся птицы, она тотчасъ же погружается въ воду.

Народная поговорка: „счастливъ, какъ рыба въ водѣ“ вполнѣ справедлива. Рыба плыветъ, скользитъ, мирно покачиваемая, ласкаемая волной; если хочетъ, засыпаетъ, продолжая плыть. Ее со всѣхъ сторонъ обнимаетъ и вмѣстѣ съ тѣмъ обособляетъ маслянистое вещество, дѣлающее ея кожу, ея чешую скользкими и непроницаемыми.

Температура, въ которой она живетъ, мало измѣнчива: не слишкомъ холодная и не слишкомъ теплая.

Какая огромная разница между этимъ удобнымъ существованіемъ и нашей жизнью на землѣ! Каждый нашъ шагъ встрѣчаетъ или какую-нибудь неровность или препятствіе. Жесткая земля усыпаетъ нашъ путь камнями, утомляетъ, изнуряетъ насъ подъемами и спусками. Воздухъ мѣняется, смотря по времени года, и переменны эти бываютъ иногда

очень рѣзки. Холодный дождь падаетъ иногда цѣлыми днями и ночами, льется безжалостно, пробираетъ насъ до костей, студитъ и знобитъ, а иногда застываетъ на нашихъ волосахъ, окружая насъ, дрожащихъ, острыми иглами своихъ кристалловъ. Блаженство рыбы, счастливая полнота ея жизни скрывается подъ тропиками въ роскоши ея окрасокъ, а на сѣверѣ—мощью ея движенія. Въ Океаніи и въ индійскихъ моряхъ играютъ, скитаются и бродятъ рыбы самыхъ странныхъ формъ съ удивительными фантастическими украшениями. Они рѣзвятся и совершаютъ веселія прогулки между коралловъ, на живыхъ цвѣтахъ. Рыбы холодныхъ и умеренныхъ морей большіе пловцы, могучіе гребцы, настоящіе мореплаватели. Ихъ

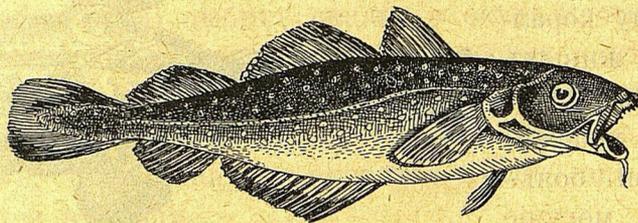

Лягва.

удлиненныя, стройныя формы дѣлаютъ ихъ настоящими стрѣлами по быстротѣ движенія. У нихъ есть чему поучиться любому кораблестроителю. У нѣкоторыхъ по десяти плавней; по желанію они могутъ служить и веслами, и парусами, ихъ можно держать вполне раскрытыми или наполовину сложенными. Хвостъ, превосходный руль, замѣняетъ также главное весло. У самыхъ лучшихъ пловцовъ онъ раздвоенъ. Имъ заканчивается весь позвоночникъ, и онъ, сокращая мускулы, заставляетъ рыбу двигаться. Всякая рыба снабжена приспособленіями, нужными для той среды, гдѣ она живетъ. Камбала овальная, плоская, чтобы лучше скользить въ песокъ. Угорь, чтобы лучше ворочаться въ тинѣ, принимаетъ змѣевид-

ную форму, дѣлается длинной лентой. Лягвы, которымъ часто приходится жить, прицѣпившись къ скаламъ, снабжены плавнями-руками, дѣлающими ихъ болѣе похожими на лягушекъ, чѣмъ на рыбъ.

Зрѣніе — главное чувство птицъ, а обоняніе — рыбъ. Соколъ въ облакахъ пронизываетъ взглядомъ глубокое пространство внизу и видитъ почти незамѣтную дичь. Также точно изъ водныхъ глубинъ, скать чувствуетъ запахъ соблазнительной добычи и всплываетъ наверхъ. Въ этомъ мірѣ полумрака, сомнительныхъ и обманчивыхъ полусвѣтовъ, можно

Треска.

довѣрять только обонянію, да иногда осязанію. Тѣ, которыя подобно стерляди, копаются въ тинѣ, обладаютъ тончайшимъ чувствомъ осязанія. Акулы, скаты, треска, съ ея большими широко - разставленными глазами, видятъ плохо, но хорошо обоняютъ и слышатъ всѣ запахи. У ската чувство обонянія такъ утонченно, что у него есть особая занавѣсочка, которой онъ прикрывается иногда и тѣмъ ослабляетъ его, иначе запахи слишкомъ раздражали-бы его и могли-бы дѣйствовать ему на мозгъ. Къ этой особенности, очень пригодной для охоты, прибавьте великолѣпные зубы, острые, иногда въ видѣ пилы, у иныхъ въ нѣсколько рядовъ, такъ что ими вымощены ротъ, небо и горло. Даже языкъ вооруженъ ими. У

этихъ зубовъ тонкихъ, а слѣдовательно и хрупкихъ, имѣются сзади другіе, наготовѣ, чтобы замѣнить первые, если они сломаются. Мы уже говорили, что морю необходимо было для очищенія отъ слишкомъ сильно размножавшихся породъ создать вооруженнаго пловца; вотъ почему явилась рыба.

(Продолженіе слѣдуетъ),

Вѣсти отовсюду.

Предстоящій юбилей Н. В. Гоголя. 19-го марта исполняется сто лѣтъ со дня рожденія Николая Васильевича Гоголя. День этотъ будетъ праздникомъ, посвященнымъ памяти великаго писателя русской земли. Чествовать его собираются не только въ Россіи, но и за границей. Къ этому дню изъ разныхъ странъ хотятъ пріѣхать къ намъ многіе изъ большихъ иностранныхъ писателей. По всѣмъ городамъ будутъ читаться посвященные Гоголю лекціи; во всѣхъ театрахъ идутъ приготовленія къ постановкѣ его пьесъ. Къ этому дню будетъ изготовлена медаль имени писателя, будетъ изданъ всѣмъ доступный по цѣнѣ сборникъ его произведеній, по деревнямъ откроютъ сто новыхъ народныхъ библиотекъ, а въ Петербургѣ—школу его имени. Учащіеся въ этотъ день будутъ освобождены отъ занятій, а вечеромъ въ учебныхъ заведеніяхъ состоятся литературные вечера, посвященные памяти великаго писателя.

Дѣтскія библиотеки въ Америкѣ. Въ Америкѣ ребенка съ самыхъ малыхъ лѣтъ учатъ пользоваться библиотеккой. При каждой школѣ имѣется своя библиотека, для которой отводится самая лучшая, большая и свѣтлая комната. Комнату эту обста-

вляють удобной дѣтской мебелью и книжными полками, устроенными на такой высотѣ, чтобы дѣти сами могли доставать съ нихъ книги. При библиотекѣ имѣются каталоги и указатели, а учитель или учительница объясняютъ, какъ надо ими пользоваться, какъ найти по каталогу книгу, а въ книгѣ отыскать то, что нужно.

Кромѣ школьныхъ библиотекъ, почти во всѣхъ американскихъ городахъ существуютъ публичныя дѣтскія библиотеки. Ихъ устраиваютъ обыкновенно въ одномъ домѣ съ публичной библиотекой для взрослыхъ, а иногда рядомъ, въ отдѣльномъ зданіи, гдѣ все устроено такъ, чтобы ребенку было пріятно войти туда и остаться тамъ, какъ можно дольше. Какъ только кончаются уроки въ школахъ, всѣ дѣти разныхъ цвѣтовъ *) толпами направляются въ библиотеки.

Въ прихожей, обставленной вѣшалками по росту посѣтителей, ихъ прежде всего заставляютъ мыть руки. Имѣть чистыя руки—это первое, что требуетъ книга отъ того, кто ее беретъ. Затѣмъ новички обращаются къ библиотечаршѣ и та выдаетъ имъ книгу, но это дѣлаютъ только новички. Большинство дѣтей, съ помощью каталога, сами отыскиваютъ то, что имъ нужно.

И вотъ, до 9-ти часовъ вечера читальная зала полна читателями отъ 6 до 14 лѣтъ. Читаютъ всѣ, не мѣшая другъ другу, никто не шумитъ, не шепчется, не разговариваетъ.

Иногда чтеніе прерывается. Является „разказчица сказокъ“ и дѣти, отложивъ чтеніе, слушаютъ сказки. Содержаніе этихъ сказокъ берется изъ Иліады, Одиссеи, изъ драмъ Шекспира, изъ пѣсни о Нибелунгахъ, изъ пѣсни о Роландѣ,

*) Населеніе Америки очень разнообразно. Здѣсь, кромѣ бѣлыхъ, много чернокожихъ и желтолицыхъ.

изъ разказовъ о королѣ Артурѣ, однимъ словомъ, изъ всего, что есть выдающагося въ старой литературѣ. Такія „сказки“ разказываются дѣтямъ постарше. Маленькимъ разказываютъ священную исторію, легенды, народныя сказки и нерѣдко при этомъ показываютъ картины волшебнаго фонаря.

Въ американскихъ городахъ, какъ и во всѣхъ большихъ, густо населенныхъ городахъ, много бѣдности, которая ютится по тѣснымъ, темнымъ и часто сырмъ помѣщеніямъ. Такія дѣти забираются въ библіотеки, чтобы готовить заданныя уроки. Если имъ нужно что-нибудь объяснить, они обращаются къ библіотекаршѣ и та или объясняетъ имъ или показываетъ, какъ и въ какой книгѣ, изъ помѣченныхъ въ каталогѣ и стоящихъ на полкѣ, можно найти то, что нужно.

Въ лѣтнее время дѣйствуютъ, такъ называемыя, летучія библіотеки. Въ различные сады, гдѣ собираются дѣти, приходятъ библіотекарши съ запасомъ книгъ, которыя онѣ раздаютъ для чтенія желающимъ. Здѣсь же, въ саду, онѣ показываютъ разныя коллекціи, объясняютъ ихъ и разказываютъ, какъ и зимой, свои „сказки“.

Летательные снаряды и подводная лодка. Время, когда одна изъ сказокъ станетъ настоящей правдой, уже близко. Вездѣ, во всѣхъ странахъ, вдругъ заговорили о летательныхъ снарядахъ и подводныхъ лодкахъ. И не только заговорили, но въ Америкѣ, во Франціи и въ Германіи уже дѣлаютъ опыты съ приготовленными образцами. Въ Америкѣ особенно прославились два брата Райтъ. Братья эти по занятію купцы. Вопросъ о воздухоплаваніи занималъ ихъ съ ранняго дѣтства и для постройки придуманнаго ими летательнаго снаряда они, не жалѣя, тратятъ всѣ свои деньги. Одинъ изъ братьевъ, поднимаясь на воздухъ,

расшибся и летать больше ужъ не можетъ, но другой съ еще большей энергіей продолжаетъ любимое дѣло. Изъ боязни, чтобы кто-нибудь не испортилъ его снаряда, онъ даже спитъ въ своей мастерской. Передъ полетомъ онъ долго и внимательно осматриваетъ самъ всѣ части машины. Помощниковъ въ этомъ дѣлѣ онъ не признаетъ.

У насъ въ Россіи недавно объявился свой Райтъ. Это московскій крестьянинъ Чечетъ. Онъ изобрѣлъ летательный снарядъ. Крестьянинъ этотъ самоучка, по ремеслу онъ садовникъ. На мысль о летательномъ снарядѣ его навели птицы и насѣкомыя. Занимаясь своимъ дѣломъ въ садахъ, онъ, съ юношескихъ лѣтъ, заинтересовался полетомъ крылатыхъ и дѣлалъ разныя наблюденія и опыты, чтобы понять, какъ совершается этотъ полетъ. Въ январѣ этого года у Чечета уже былъ готовъ планъ летательнаго снаряда. Планъ этотъ былъ одобренъ знающими людьми, собраны деньги для постройки машины и въ мартѣ уже думаютъ произвести первый опытъ полета. Чечетъ говоритъ, что его снарядъ будетъ подниматься съ любого мѣста, какъ майскій жукъ. Онъ обѣщаетъ, кромѣ того, дать еще и планъ подводной лодки, которая будетъ передвигаться въ водѣ такъ же легко и быстро, какъ рыбы при помощи своихъ плавниковъ, которые замѣняютъ имъ крылья насѣкомыхъ и птицъ,

Народныя загадки.

1. Ни свѣтъ, ни заря,
Пошелъ, согнувшись, со двора?
2. Кошечка изъ окошечка,
А я ее цапъ за хвостикъ?
3. Что у бѣднаго толсто,
А у богатаго тонко?
4. Два рта, четыре хвоста?
5. Пять чуланчиковъ,
Одна дверка?
6. Съ виду—клинь,
Развернешь—блинъ?
7. Шароватый,
Кудреватый,
На макушкѣ плѣшь,
На здоровье съѣшь?
8. Красненькій сапогъ,
Востренькій носокъ,
Въ землю зарытъ,
Зеленый хвостикъ торчитъ?
9. Курочка пустодомъ
Свила гнѣздо за дворомъ,
Сама—въ гнѣздѣ,
Яички—наружу?

10. На грядкахъ
Въ рубцахъ и заплаткахъ?
11. Красенькая ступка,
Бѣленькій толкачикъ?
12. Мертвымъ въ землю упалъ,
Живымъ изъ земли возсталъ,
Красну шапку уронилъ
И людей усыпилъ?

Рѣшеніе задачъ, помѣщенныхъ въ 4-мъ №.

Рѣшеніе ребуса № 2.

Рядомъ съ духомъ надо воспитывать и тѣло.

Рѣшеніе загадки № 1.

Пол — ка.

ОБМѢННЫЯ ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Русская школа. Открыта подписка на 1909 годъ на общепедагогическій журналъ для учителей и дѣятелей по народному образованию (20-й годъ изданія. Основатель Я. Г. Гуревичъ). Программа журнала: Общіе вопросы образования и воспитанія. Реформа школы. Экспериментальная педагогика. психология, школьная гигиена. Методика преподаванія различныхъ предметовъ. Исторія школы. Обзоры новѣйшихъ теченій въ области разныхъ наукъ. Дѣятельность госуд. и обществ. учреждений по народн. образованию (Госуд. Думы, земствъ и пр.). Народное образование заграничей. Низшая и средняя школа въ Россіи. Вопросы націй. школы разл. народовъ Россіи. Профессіональное образование. Женское образование. Внѣшкольное образование. Въ журналѣ принимаютъ участіе: Н. Я. Абрамовичъ, Х. Д. Алчевская, Г. Агаревъ, П. П. Балталонъ, проф. И. А. Годуновъ-де-Куртенэ, И. А. Бѣлозерскій, И. П. Бѣлоконскій, В. П. Вахтеровъ, прив.-доц. Б. Вейнбергъ, д-ръ А. С. Виреніусъ, Е. М. Гаршинъ, проф. И. М. Гревсъ, А. Г. Готлибъ, Я. Я. Гуревичъ, Л. Я. Гуревичъ, А. Гуревичъ, К. Деруновъ, И. Житецкій, проф. П. А. Заболотскій, А. Заксъ, С. Золотаревъ, Г. Г. Зоргенфрей, проф. Д. Н. Кайгородовъ, П. О. Каптеревъ, проф. Н. И. Карѣевъ, Н. Казанцевъ, В. А. Келтуяла, Н. М. Книповичъ, Н. И. Коробко, И. И. Лапшинъ, Б. Лезинъ, М. К. Лемке, проф. П. Ф. Лесгафтъ, Э. Ф. Лесгафтъ, А. Липовскій, А. А. Локтинъ, Э. Лямбекъ, О. Макаровъ, П. Г. Мижувъ, А. Мезіеръ, А. Музыченко, А. П. Налимовъ, прив.-доц. А. П. Нечаевъ, Ф. Ф. Ольденбургъ, Л. Г. Оршанскій, А. Н. Строгорскій, Ф. И. Павловъ, проф. А. Л. Погодинъ, С. Н. Поляковъ, В. Л. Ренбергъ, Г. Роковъ, Н. А. Рубакинъ, Е. Рѣпина, С. Ф. Русова, С. И. Сазоновъ, проф. И. А. Сикорскій, С. И. Симоновъ, Л. С. Севрукъ, проф. Ир. П. Скворцовъ, А. О. Соколовъ, Н. М. Соколовъ, А. Стаховичъ, Ем. Страоновъ, М. И. Страхова, М. А. Тростниковъ, Н. Томилинъ, К. А. Тюлеліевъ, В. И. Чернолускій, Н. В. Чеховъ, В. И. Фармаковскій, В. А. Флеровъ, С. И. Шохоръ-Троцкій, Н. Шохоръ-Троцкая. А. Яцимирскій п др. «Русская Школа» выходитъ ежемѣсячно книжками, не менѣе пятнадцати печ. листовъ (за май-іюнь и іюль-августъ—книжки двойного объема). Подписная цѣна: въ СПб. безъ дост.—семь р., съ дост.—7 руб. 50 коп., для иногороднихъ—восемь руб.; за грѣницу—девять руб. въ годъ. Для сельскихъ учителей, выписывающихъ журналъ за свой счетъ, шесть руб. въ годъ, съ разсрочкою уплаты въ два срока. (При подпискѣ—3 р. и въ іюль—3 р.). Городамъ и земствамъ, выписывающимъ не менѣе 10 экз., уступка в 15%. Книжнымъ магазинамъ за комиссію 5% съ годовой цѣны. Подписка съ разсрочкою и уступкой принимается непосредственно въ конторѣ редакціи (С.-Петербургъ, Лиговская улица, д. № 1). Золотая медаль на международной выставкѣ «Дѣтскій Миръ» въ 1904 году.

Редакторъ-издатель Я. Я. Гуревичъ.

2—2

„Старообрядцы“. Открыта подписка на 1909 годъ на ежемѣсячный журналъ (органъ церковно-общественной жизни старообрядчества). Подписчики журнала «Старообрядцы» въ 1909 году получаютъ бесплатное приложеніе Старообрядческой церковно-домашней уставъ. Въ журналѣ принимаютъ участіе: Епископъ Иннокентій, Епископъ Александръ, Архимандритъ Михаилъ, Ф. Е. Мельниковъ, В. Е. Макаровъ, Н. Д. Зенинъ и другія лица. Съ 1-го № 1909 года, съ благословенія умершаго исповѣдника епископа Арсенія уральскаго, будетъ приступлено къ печатанію его сочиненія «Истинность» старообрядствующей іерархіи противу возводимыхъ на нее обвиненій, отдѣльной нумераціей, такъ что подписчики нашего журнала на 1909 годъ, чрезъ извѣстное время, могутъ его собрать отдѣльной книгой. При томъ мы рѣшили не ограничиться симъ и идти далѣе въ изданіи твореній еп. Арсенія. Кромѣ того въ настоящемъ декабрѣ мѣсяцѣ приступлено будетъ къ печатанію житія иже во святыхъ отца нашего Николая Архіепископа Мирлицкаго Чудотворца церковнославянскимъ шрифтомъ въ двѣ краски, которое будетъ разсылаться всѣмъ подписчикамъ при номерахъ журнала «Старообрядцы».

Подписная цѣна въ годъ пять рублей. Допускается разсрочка: при подпискѣ—2 руб., 1-го Мая—1 руб., 1-го Іюня—1 руб. и 1-го Іюля 1 руб. Адресовать:—Нижній-Новгородъ, Конторѣ Редакціи «Старообрядцы».

2—2

Редакторъ Т. С. Бирюковъ. Издательница М. И. Усова.

Союзъ женщинъ. Открыта подписка на 1909 годъ на ежемѣсячный общественно-политическій журналъ (3-й годъ изданія). Журналъ посвященъ вопросамъ связаннымъ съ борьбою за равноправіе женщинъ и улучшеніе ихъ матеріальнаго, культурнаго и правоваго положенія. Журналъ выходитъ ежемѣсячно, выпусками отъ 1½ до 2 листовъ большого формата (48—96 столб., 3—6 общ. журн. лист. листовъ).

Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой, на годъ 2 р. 50 к. на полгода 1 р. 50 к. Подписка принимается въ редакціи журнала: С.-Петербургъ, Николаевская ул., д. 84, кв. 9. 2—2

„Образованіе“. Открыта подписка на 1909 годъ на ежемѣсячный литературно-политическій и популярно-научный журналъ XVIII г. изданія. Съ 24 октября журналъ перешелъ въ руки новой редакціи и выходитъ своевременно. «Образованіе» въ дальнѣйшемъ явится безпартійнымъ органомъ, поставившимъ своею задачею давать въ беллетристическомъ отдѣлѣ здоровую, художественную литературу. Широко ставятся экономическій и публицистическій отдѣлы и обзоръ внутренней и внѣшней жизни. Вводятся новые отдѣлы: научно-популярный и педагогическій. Въ Критико-библиографическомъ отдѣлѣ кромѣ статей и историко-литературнаго и критическаго характера будетъ даваться подробный обзоръ книгъ и журналовъ, выходящихъ въ Россіи и за границей.

Журналъ издается при редакціонномъ участіи: Дм. Карышева, В. Тогомианца, М. Новорусскаго, Н. Носкова.

Ближайшее участіе въ журналѣ принимаютъ: Л. Андреевъ, Д. Айзманъ, К. Амфитеатовъ, П. Боборыкинъ, К. Баранцевичъ, П. Берлинъ, прив.-доц. М. Бернацкій, прив.-доц. Боголеповъ, В. Богучарскій, Эд. Бернштейнъ, А. Блокъ, В. Бочановскій, Л. Бухъ, Б. Веселовскій, Н. Валентиновъ, Л. Веліховъ, Д. М. Герценштейнъ, Г. Галина, проф. Э. Гримъ, Г. Градовскій, В. Громанъ, С. Гусевъ-Оренбургскій, А. Ельницкій, З. Журавская, Д. Зайцевъ, проф. И. Ивановъ, Е. Игнатъевъ, А. Измайловъ, проф. А. Исаевъ, Анат. Каменскій, П. С. Караскевичъ, М. Кеджи-Шаповаловъ, проф. Л. Козловскій, Л. Клейбортъ, А. Коллонтай, А. Котельниковъ, Дм. Крачковскій, Н. Кудринъ, А. Купринъ, Е. Кускова, Д. Лаврентьевъ, Ю. Лаврновичъ, В. Лихачевъ, проф. Т. Локоть, А. Лосицкій, Ал. Луговой, А. Лукьяновъ, В. Махновецъ (Акимовъ), С. Минцловъ, М. Морозовъ, Ник. Морозовъ, В. Муйжель, В. Муосевъ, А. Новиковъ, М. Оленовъ, С. Подъячевъ, прив.-доц. С. Поварнинъ, Ив. Порошинъ-Бѣлозерскій, В. Пуртугаловъ, В. Поссе, С. Прокопъвичъ, пр.-доц. В. Святловскій, Сергѣевъ-Ценскій, Л. Синицкій (Сѣдовъ), Е. Смирновъ, Н. Соколовъ, Б. Торгашевъ, проф. М. Туганъ-Барановскій, Г. Туманова, Г. Тумимъ, В. Филатовъ, К. Фофановъ, М. Хейсинъ, Д. Цевзоръ, Э. Червинскій, И. Чернышевъ, В. Шарый и А. Оedorовъ.

Двойная книга за сентябрь-октябрь находится подъ арестомъ, наложеннымъ по распоряженію Главнаго Управленія по дѣламъ печати и по освобожденіи будетъ немедленно разслана г.г. подписчикамъ. Ноябрьскій № выходитъ 2-го декабря, слѣдующіе номера будутъ выпускаться по 20 числамъ каждаго мѣсяца.

Подписная цѣна: съ доставкой и пересылкой на годъ 7 р., на полгода 3 р. 50 к., на 3 мѣсяца 2 р. 40 к., на одинъ мѣсяць 85 к. За границу на годъ 10 р., на полгода—5 р., отдѣльные №№ продаются въ конторѣ журнала и въ книжныхъ магазинахъ по 85 коп.

Принимается подписка въ С.-Петербургѣ, 5 Рождественская, 23, въ конторѣ «Образованія».

2—2

Редакторъ-Издатель Дм. Карышевъ.

Отъ конторы редакціи.

1. Рукописи, присылаемые въ редакцію, должны быть четко написаны и снабжены подробнымъ адресомъ автора. Принятія рукописи, въ случаѣ надобности, сокращаются и исправляются.

2. Лица, адресующіяся въ редакцію съ разными запросами, прилагаютъ 7-ми копѣчную марку для отвѣта.

3. Заявленія о неполученіи номера адресуются непосредственно въ редакцію и не позже полученія слѣдующаго №.

Несвоевременныя требованія пропавшихъ №№ редакція удовлетворять не можетъ.

4. Заявленія о перемѣнѣ адреса посылаются непосредственно въ редакцію, при чемъ необходимо указать и старый адресъ. При перемѣнѣ петербургскаго адреса на петербургскій или иногороднаго на иногородный уплачивается 20 коп., а при перемѣнѣ петербургскаго на иногородній или иногороднаго на петербургскій уплачивается 40 коп. До полученія денегъ, контора продолжаетъ высылать журналъ по старому адресу.

5. Допускается разсрочка: при подпискѣ 2 р., и 3-ій р. къ 1-му Мая.

6. Желаніе получить рукопись обратно должны присылать почтовый марки для отсылки рукописи заказной бандеролью. Простой бандеролью или на свой счетъ редакція рукописей не отсылаетъ.

Редакція открыта для личныхъ переговоровъ по субботамъ отъ 2-хъ до 4-хъ часовъ.

Открыта подписка на 1909 годъ

на иллюстрированный дѣтскій журналъ

4-й годъ
изданія.

ТРОПИНКА

24 нн.
въ годъ.

Журналъ выходитъ **1** и **15** каждаго мѣсяца въ **2—3** печатныхъ листа и предназначается для дѣтей средняго возраста.

Въ журналѣ будутъ помѣщаться повѣсти, рассказы, стихи, театральныя пьесы, статьи научно-образовательнаго характера, ребусы, шарады и загадки.

Въ литературномъ отдѣлѣ принимаютъ участіе:

К. Бальмонтъ, А. Бахтіаровъ, М. С. Безобразова, А. Блокъ, Л. Бѣльскій, О. Бѣляевская, Л. Василевскій, З. Венгерова, А. Вережниковъ, Е. Волочкова, И. Гинцбургъ, З. Гиппиусъ, С. Городецкій, Ф. Домбровский, О. Дымовъ, Е. Елеонская, К. Ельцова, Вячеславъ Ивановъ, Е. Ивановъ, А. Коваленская, И. Кондурушкинъ, С. Кондурушкинъ, проф. Н. Котляревскій, А. Купринъ, Кл. Лукашевичъ, Д. Маминъ-Сибирякъ, Н. Манасейна, Д. Мережковский, В. Малахѣва-Мировичъ, Н. Михайловъ, Ю. Насвѣтова, Л. Нелидова, Н. Новичъ, Э. Пименова, В. Поливановъ, А. Ремизовъ, проф. М. Ростовцевъ, М. Сабашникова, К. Соколовъ, Ф. Сологубъ, П. Соловьева, (Allegro), С. Соловьевъ, Евг. Соловьева, А. Н. Толстой (Мирза Тургень), В. Успенскій, Н. Шапиръ, Е. Шведеръ, К. Чуковский, О. Чюмина, Е. Юнге и мн. др.

Въ художественномъ отдѣлѣ участвуютъ:

И. Вилибинъ, Т. Гиппиусъ, В. Замирайло, Е. Кавосъ-Зарудная, Д. Кругликова, А. Линдеманъ, А. Мурашко, М. Нестеровъ, П. Соловьева (Allegro), М. Сабашникова, Е. Чичагова-Россинская, Е. Юнге и др.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: на годъ съ пересылкой и доставкой **3** руб.,
на полгода **2** руб., за границу **5** руб.

Комплекты 1906 и 1907 гг. всѣ разошлись.

Подписка принимается въ конторѣ журнала и во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ.

ОТДѢЛЕНИЕ КОНТОРЫ: Москва, при конторѣ Печковской, Петровскія линіи.

АДРЕСЪ РЕДАКЦІИ И КОНТОРЫ: С.-Петербургъ, площадь Маринскаго театра, № 6.

Телефонъ **297—55**.

Редакторы-Издатели *Л. Соловьева и Ж. Манасейна.*